

2. БЕЛАРУСЫ. Этнагеаграфія, дэмаграфія, дыяспара, канфесіі. – 1996. – С.28-33.
3. Дубянецкі Э. Ментальнасць грамадзян Беларусі ў сучасны перыяд // Кантакты і дыялогі. – СПб, 1996. – С. 215.
4. История ментальностей, историческая антропология: Зарубежные исслед. в обзорах и рефератах., 1996. – С. 269-270.

М. С. Довгялло

Учреждение образования «Белорусский государственный университет», Минск

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ЗА ГРАНИЦЕЙ В КОРОЛЕВСТВЕ СХС В 20-Е ГОДЫ XX в.

Введение. Революция 1917 г. повлекла за собой тяжелые последствия для русского православия. В первую очередь было нарушено единство Российской церкви. Эмиграция оторвала часть русских людей от церковных центров. Политические изменения 90-х годов XX столетия в России отозвались значительными сдвигами в общественной и религиозной жизни страны. Серьезное изучение истории Русской православной церкви за границей (РПЦЗ) стало осуществляться в последние 20-25 лет, когда эта тема стала возможной для общественного обсуждения, и российские ученые получили доступ к ранее засекреченным материалам. Актуальность исследования истории РПЦЗ обусловлена современным состоянием религиозной жизни России. История РПЦЗ на протяжении долгих лет почти оставалась вне сферы внимания исследователей в связи с тем, что она находилась в полном или частичном отрыве от Русской православной церкви (Московским патриархатом) (РПЦ МП).

Основная часть. Новая советская власть, установившаяся в октябре 1917 г. начала проводить известную “вероисповедную” политику, направленную на полное отделение церкви от государства. В декрете советской власти “О свободе, церковных и религиозных обществах”, известном также под названием “Об отделении церкви от государства и школы от церкви”, принятом 20 января (2 февраля) 1918 г., говорилось, в частности, о лишении и РПЦ, и всех вообще религиозных обществ прав юридического лица. Православная церковь своим статусом приравнивалась к частным обществам и союзам, ей отказывалось в каких-либо субсидиях от государства, её собственность объявлялась народным достоянием [1, с. 272 - 273].

В 1918 году, после поражения Австро-Венгрии в Первой мировой войне и формальной победы Сербии, выступавшей на стороне Антанты, сербы, хорваты и словенцы согласились объединить свои территории в одном государстве. 1 декабря 1918 г. в результате присоединения к Сербии бывших югославских территорий Австро-Венгрии – Хорватии, Словении, Далмации, Боснии, Герцеговины – было создано Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС). 20 декабря было образовано правительство Королевства во главе со Стояном Протичем [2, с. 168, 173]. Сербский король и его правительство, а также Сербский Патриарх предоставили убежище белогвардейцам и духовным пастырям. Часть беженцев составляли солдаты белой армии, а часть – гражданские лица. В общей массе беженцев имелись выходцы из всех социальных групп России, однако большинство принадлежало к среднему классу. Менее всего было рабочих и представителей духовного сословия. Не в пример другим европейским странам, где поселились эмигранты из России, в Королевстве СХС со вниманием отнеслись к своим новым жителям, и со стороны подавляющей части местного населения, и на официальном уровне, и со стороны государственных властей. В свою очередь прием, оказанный российским эмигрантам в стране, стал для них неожиданным.

Политику короля и правительства Королевства СХС по отношению к русскому вопросу в 1920-е годы определяла их – в большей или меньшей степени – прорусская политическая ориентация. Сербия на протяжении всего XIX в. и вплоть до 1914 г. была связана с Российской империей, русскими политическими элитами, русской церковью и культурой. Например, сербский престолонаследник и будущий король Королевства СХС Александр I, который в свое время воспитывался при русском императорском дворе и проходил обучение в Пажеском корпусе в Петербурге. Династия Карагеоргиевичей многими брачными связями породнилась с русской императорской семьей Романовых. Официальное сербское правительство заняло негативную, антибольшевистскую позицию по отношению ко всем происходившим в России изменениям. В особенности к большевистскому перевороту и расстрелу царской семьи в июле 1918 г. Кроме того, Сербский патриарх Димитрий, получивший образование в дореволюционной России, выступил от имени своей церкви в поддержку российской эмиграции и оказал гостеприимство русским митрополитам и высшему духовенству. Первые пять русских архиереев прибыли в Королевство СХС 5 февраля 1920 г, а через год и митрополит Антоний, а затем и прочие архиереи [3, с. 26].

Последовательная антибольшевистская позиция Белграда в значительной мере определила решение принять в стране русских беженцев, а королевское правительство настаивало на официальном непризнании советской власти. Такому поведению политической элиты способствовало несколько причин, одной из которых являлось политическое влияние многочисленных беженцев, проживавших в стране. По приблизительной оценке монархисты в Королевстве СХС имели поддержку 80–90 % политически активных эмигрантов, кадеты – 8–9 %, а эсеры – всего лишь около 1 % [4, с. 17-18]. Королевство СХС, таким образом, оказалась одним из последних европейских государств, которое признало Советский Союз. Это случилось лишь после начала Второй мировой войны – 24 июня 1940 г. [2, с. 185].

После революции из России бежало 0,5 % священников и 10 епископов РПЦ, в основном с юга России [5, с. 651]. Они попали за границу вместе со своей паствой – белыми армиями, или остались в русских заграничных епархиях и на отошедших от России территориях. Согласно исследованию, проведенному в Королевстве СХС в 1921 г., 69 % русских эмигрантов составляли мужчины, 66 % из которых в возрасте от 19 до 45 лет. По социальному статусу 70 % всех мужчин были одиночками, тогда как большинство женщин состояли в браке. Уезжали русские (95,2 %), мужчины (73,3 %), лица среднего возраста – от 17 до 55 лет (85,5 %), образованные (54,2 %) [5, с. 39; 6, с. 17–18]. Преобладающее большинство русских эмигрантов принадлежало к РПЦ.

На территории нового государства в начале 1920-х гг. поселилось 85 тыс. русских эмигрантов. Они построили 3 церкви, образовали более 10 приходов, духовные братства -- Серафима Саровского, Иоанна Кронштадтского, Святого князя Владимира, Святой Руси и др. Монахи из России проживали в двух сербских монастырях и, кроме того, образовали еще 2 самостоятельных - мужской в Мильсково с 25 насельниками и женский в Хопово с 70 монахинями. На богословском факультете Белградского университета в 1939 г. преподавали два - русских профессора и обучалось 23 русских студента [7, с. 111 - 113].

Карловацкий собор проходил в Сербии, в небольшом городке Сремских Карловцах с 21 ноября 1921 г. по март 1922 г. Из 163 членов Собора было 11 епископов, из них 2 сербских; 22 представителя монашеских и белого духовенства, 67 делегатов были политическими и военными деятелями белогвардейской армии [8, с. 556]. Собор призвал эмиграцию молиться за восстановление в России “законного православного царя из Дома Романовых” [9, с. 147].

Отношения между Московской патриархией и РПЦЗ поначалу были хорошими, поскольку Карловацкий синод Русской церкви учрежден на основании указа патриарха Тихона [8, с. 555]. Указ разрешал церкви, оказавшейся вне юрисдикции церковных иерархов в Советской России, действовать самостоятельно на основе соборности, что и было осуществлено в Королевстве СХС. Карловацкий Собор обратился к Генуэзской международной конференции (апрель 1922 г.) с призывом не признавать большевистское правительство, предоставить белоэмигрантам оружие, иностранных добровольцев, чтобы “изгнать большевизм из России и всего мира” [3, с. 34 - 35]. Специальный военно-церковный отдел Собора обсуждал вопросы сохранения остатков Добровольческой армии, создания кадетских и юнкерских училищ. В марте 1922 г. по окончании заседаний Карловацкого Собора патриарх Тихон в специальном послании патриарху сербскому Димитрию выразил благодарность “за оказанный в Сербии приют русским изгнанникам – епископам, священникам и мирянам”, тем самым одобрил его деятельность. Однако в мае того же года, патриарх и Синод издали указ, в котором было сказано, что послание “карловчан” к Генуэзской конференции и призыв к верующим восстановить правление династии Романовых в России не выражают мнения Русской православной церкви [10, с. 449]. Решения Собора носили ярко выраженный монархический характер и противоречили курсу руководства РПЦ на невмешательство в политическую борьбу.

Обращение к конференции не привело к каким-либо действиям мировых держав, но зато вызвало многочисленные и острые нарекания в адрес РПЦЗ, вплоть до обвинений ее в политизированности. Негативно отреагировало и советское правительство. С этого момента в среде русских эмигрантов произошло размежевание между сторонниками политического нейтралитета и теми, кто не признал легитимность советской власти. Это не замедлило сказаться на судьбе патриарха Тихона. Незадолго до своего ареста под влиянием советских властей он вынужден был признать неправомочным Карловацкий Собор во главе с митрополитом Антонием и управлять духовной жизнью русского зарубежья, наделив этими полномочиями митрополита Евлогия, представлявшего Русскую церковь в Западной Европе (Париж) [8, с. 558]. Патриарх Тихон вместе с членами Священного синода и Высшего церковного совета 22 апреля (5 мая) 1922 г. издали соответствующее постановление. В нём говорилось, что Карловацкий Собор заграничного русского духовенства и мирян не имеет канонического значения и послание его о восстановлении династии Романовых, ввиду своего политического характера, не выражает по сему вопросу официального голоса РПЦ. Позже, 18 января 1923 г., патриарх Тихон на допросе в ГПУ отозвался о вышеупомянутом постановлении Карловацкого собора в аналогичном духе. Он его охарактеризовал “антинародным, а также неправомочным формально, так как церковный Собор не должен был обсуждать политических вопросов” [10, с. 452].

Сам митрополит Антоний сначала решил подчиниться указу патриарха, но большая часть членов Высшего церковного управления (ВЦУ) склонялась к тому, чтобы не исполнять воли Патриарха, полагая, что указ подписан под давлением большевиков и не “выражает волю церковных властей” [7, с. 113].

Размежевание РПЦЗ с РПЦ МП началось с указа патриарха Тихона от 5 мая 1922 г., в котором была дана отрицательная оценка политическим заявлениям Собора, и предлагалось упразднить ВЦУ. В указе не было предъявлено никаких обвинений в нарушении канонов, указ носил политический характер и был издан под давлением властей. В августе 1922 г. в Королевстве СХС состоялся Собор русских заграничных епископов, в котором участвовали митрополиты Антоний и Евлогий. На основании указа был организован временный Архиерейский Синод РПЦЗ, который впоследствии был реорганизован в постоянный. Собор постановил выразить сыновнее послушание патриарху, ВЦУ упразднить. Карловацкий Собор положил начало самостоятельной Русской православной церкви за границей.

Причиной административного и канонического отделения РПЦЗ от РПЦ МП, обусловившей особенности вероучения РПЦЗ, стало неприятие РПЦЗ опубликованной 29 июля 1927 г. Декларации заместителя

Местоблюстителя Патриаршего Престола Митрополита Сергия (Страгородского). Заявляя, что он продолжает дело почившего Патриарха и хочет поставить Церковь “в правильные отношения к советскому правительству” и тем дать ей “возможность вполне законного и мирного существования” [3, с. 50]. Русская Церковь решительно и бесповоротно становится на путь лояльности к советской власти” [11, с. 245]. Архиерейский Собор РПЦЗ 9 сентября 1927 г. издал Окружное послание, в котором постановил прекратить сношения с Московской Церковной властью ввиду порабощения ее “безбожной советской властью”. Согласно посланию РПЦЗ впредь должна управляться сама в соответствии с канонами, определениями Священного собора Всероссийской Поместной Православной Церкви 1917-1918 гг. и постановлению Святейшего патриарха Тихона, Священного Синода и Высшего Церковного Совета от 7/20 ноября 1920 г., при помощи Архиерейского Синода и Собора епископов под председательством Киевского митрополита Антония [12, с. 196].

Последующее направление идеологической, канонической и юридической деятельности РПЦЗ базировалось на несогласии с курсом подчинения Православной Церкви в СССР требованиям атеистической советской власти. Подавляющее большинство членов РПЦЗ симпатизировали реставрации монархического строя в России, свержению правительства в СССР, освобождению Православной Церкви в Советском Союзе из-под государственного контроля. Эти позиции определили направление политической деятельности РПЦЗ, содержание ее деклараций.

Заключение. Таким образом, Королевство СХС (с 1929 г. Югославия) стало «второй родиной» для огромного количества российских эмигрантов, прибывших в страну после революции и гражданской войны. РПЦЗ не только способствовала сплочению эмиграции, но и старалась облегчить участь гонимой Церкви в Отечестве. Иногда им это удавалось, иногда их предложения к мировому сообществу оборачивались усилением гонений на верующих в Советском Союзе. И это не удивительно, ведь костяк РПЦЗ первоначально составляли видные деятели белого движения. В трудных условиях эмиграции митрополит Антоний всеми доступными методами старался сохранить единство русского православия, верность церковным канонам и православно-монархической идее. Он стал первым первоиерархом РПЦЗ и пользовался огромным авторитетом. Именно он привлек внимание мировой общественности к трагическому положению русского народа и Церкви в СССР под гнетом безбожия и коммунистической идеологии.

Список цитируемых источников

1. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства: издание Народного Комиссариата Юстиции. 1917-1924. - М.: Юрид. Книгоизд-во, 1917-1924. - 1125 с.
2. Довгялло, М.С. Политическая история зарубежных славянских стран новейшего времени: справочник /М.С.Довгялло. – Минск: Тетра-Системс, 2006. – 272 с.
3. Маковецкий, А.В. Белая церковь: Вдали от атеистического террора /А.В.Маковецкий. – СПб.: Питер, 2009. – 320 с.
4. Козлитин, В.Д. Российская эмиграция в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (1919-1923) / В. Д. Козлитин // Славяноведение. – 1992. – №4. – С.7-19.
5. Раев, М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919-1939/ М. Раев/ Пер. с англ. – М.: 1996.– 292 с
6. Колин, В.В. Идеиный и политический крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом /В.В. Колин. – Калинин, 1977. – 198 с.
7. Русская эмиграция в Югославии /Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики, каф. славистики Белград. ун-та. – М.: Индрик, 1996. – 350 с.
8. Цыпин, В. История русской церкви, 1917-1997 /протоирей Владислав Цыпин. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря [Кн. 9]. – 1997. – 830 с.
9. Назаров, М.В. Миссия русской эмиграции /М.В.Назаров. – М.: “Родник”, 1994. – 416 с.
10. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году: Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви /Сост., автор предисловия и комментариев М.А.Бабкин. – М.: Индрик, 2008. - 632 с.; Изд. 2-е, исправ. и доп. – 429 с.
11. Цыпин, В.А. Русская православная церковь, 1925-1938 /Протоирей Владислав Цыпин - М.: Сретенский монастырь, 1999.
12. Косик, В.И. Русская Церковь в Югославии (20 – 40-е гг. XX века) /В.И.Косик. – М.: Правосл. Свято-Тихоновский Богословский ин-т, 2000. – 287 с.

А. А. Кабылкова

Полоцкий колледж Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова», Полоцк

ТРАДИЦИИ ПРАВОСЛАВИЯ В СОВРЕМЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ В.Н.КРУПИНА

Введение. В начале сложного, противоречивого XXI века в нашем обществе все более актуальными становятся вопросы нравственности, духовности. В поисках ответов на извечные вопросы: что есть добро, любовь, счастье? – мы все чаще обращаемся к произведениям классической литературы прошлого. Одним из связующих звеньев между русской классикой середины XX века и литературой века XXI, позволяющим сохранить лучшие традиции прошлого и способствовать развитию литературы в современных условиях, является творчество Владимира Николаевича Крупина. На страницах его книг читатель встречает открытую проповедь православных ценностей: добра, красоты, любви, терпимости, искренности, честности, ответственности за свои поступки перед Богом, перед всем миром.